

Радомир Влчек

Адам Ежи Чарторыйский и политика российского императора Александра I (идеи европейского единства)¹

В ходе истории различных европейских стран идеи европейского единства высказывались не один раз. Не осталась в стороне от этих процессов и Россия. Об этом свидетельствуют исторические источники, в которых упоминаются дискуссии, посвященные теме взаимоотношений России и Европы и имевшие глубокие традиции как в России, так и за ее пределами. Хотя в некоторых случаях идеи европейского единства появились раньше, небывалого накала их обсуждение достигло в XIX веке, когда в процессе формирования современных европейских наций усилилось желание определить место и задачи России в цивилизованном мире. В этот период, как и позднее, много говорилось о постепенном сближении России и

¹ Автор статьи не ставит своей целью изложение всего спектра взглядов Адама Ежи Чарторыйского. Настоящая работа также не претендует на полноту, которой отличаются фундаментальные исследования польских историков (например, см.: A. Nowak, *Europa narodów - wizja księcia Adama Jerzego Czartoryskiego* // „Polski Przegląd Dyplomatyczny”, 2001, nr 3., s. 179-206.) Основная часть статьи была написана для чешского читателя, чтобы привлечь его внимание к роли А. Е. Чарторыйского в европейской политике. Автор понимает, что в польском обществе Чарторыйскому уделяется большое внимание и что в настоящей работе нашла свое отражение лишь небольшая часть его деятельности. Поэтому цель настоящей статьи – обратить внимание читателей на политические аспекты взаимоотношений между А. Е. Чарторыйским и российским императором Александром I, а также на идеи европейского единства, основанные на убеждении Чарторыйского в том, что в едином сообществе европейских государств независимая Польша снова займет ведущее положение.

остальной части Европы. Речь не шла об однозначном процессе, скорее наоборот: часто упоминалась изоляция России от Европы или изоляция Европы от России. Лишь изредка принималось во внимание, что в основе этих отношений между Россией и Западной Европой лежали (по сути, и до сих пор остаются) взаимные опасения, что в значительной мере главной причиной этого и в наши дни является незнание, загадочность и непостижимость России. При этом следует отметить, что в течение столетий по собственной инициативе Россия целенаправленно изолировалась от Европы (зачастую выдавая негативные явления за самобытность и за положительный аспект своего существования). Имеется в виду, что после довольно успешного развития Киевской и Новгородской Руси, во многих отношениях отличного от развития Европы того времени, наступила эпоха московского правления, на характер которой на первоначальном этапе оказало влияние нашествие монголо-татар. В течение XV века Московское княжество освободилось от монголо-татарского ига, которое не было таким тяжелым, как считается, кроме того, московские князья многое переняли у монголов. В основном, экспансивный образ жизни. В широком смысле, а не только в смысле завоевания новых территорий. Не менее важным было взаимное проникновение культур и образование политического и экономического симбиоза с этническими группами, которые в результате этой экспансии оказались под властью Москвы. В духе правления монголо-татарских завоевателей в большинстве случаев московские князья и цари не меняли политическое и экономическое устройство покоренных территорий, в том числе оставляли у власти местных правителей, лояльных Москве².

В XVI – XVII столетиях Европа, в отличие от Азии, для Москвы была недоступной. Отдельные визиты посланников,

² Представители западноевропейской и некоторые представители российской историографии подчеркивают, что при этом Россия приобрела черты азиатского деспотизма, от которых не избавилась, по крайней мере, до конца XIX века (см.: Ch. J. Halperin, *Russia and the Golden Horde*, Bloomington 1985).

известные как посольства, не имели большого значения. Взаимная неосведомленность вела к появлению опасений, которые у московской стороны подпитывались страхом перед растущей польской, немецкой и шведской агрессией. Царь Петр I, взошедший на престол в 1689 г., хотел оградить Россию от нападений сильных соперников, одновременно расширив ее территорию. Например, он даже рассматривал возможность похода в Индию. Тем не менее, он понимал, что для выполнения таких задач Россия не была готова. Сил в стране было предостаточно, но ее раздирали междоусобицы. Поэтому Петр I решил Россию модернизировать. Однако он не пошел путем цивилизованного развития культурных традиций. Его задачей было создание новой, единой Российской империи на основе политической, экономической, социальной и юридической модели, за образец которой он взял устройство империй Западной Европы того времени. При этом развивать партнерские отношения с Западной Европой он не собирался, речь шла о копировании политико-экономической модели общества и о получении необходимых знаний³.

Таким образом, Петр использовал более развитую Западную Европу для укрепления самодержавной власти, в результате чего его положение как царя было сравнимо с положением императоров великих мировых империй (одновременно это стимулировало проведение преобразований в экономической, социальной и идеологической областях). Он считал, что с помощью западноевропейского влияния сможет превратить прежнюю, погруженную в себя однородную Россию («Русь») в единую постоянно расширяющуюся империю («Россию»). Чтобы сторонники традиционного русского государства («Руси») не препятствовали достижению этой цели, Петр I вводил ограничения на прежние политические формы и способы деятельности: в основном, это свелось к отмене политических привилегий русской знати и православного духовенства, к отмене главной привилегии знати – решать важнейшие

³ Реформам Петра I уделяли внимание и чешские историки (См.: M. Švankmajer, *Petr I. Zrození Impéria*, Praha 1999).

вопросы русского государства в Боярской Думе – и к формированию государственной бюрократической системы, представители которой были ему всецело преданы. Первые политические шаги Петра можно интерпретировать и как реализацию старой великодержавной идеи – восприятия Москвы как преемника Византийской империи, более известной как «Москва – Третий Рим» (в соответствии с этой идеей Первым Римом был собственно Рим, Вторым – Константинополь, Третьим – Москва), – в виде имперской теории, основанной на западноевропейской модели единого централизованного государства⁴.

Система, созданная Петром I, проникла во все слои русского общества. Правда, не все сложилось так, как задумывалось. Во многих случаях безжалостное обращение и применение жестких методов вызывало недовольство и способствовало развитию комплекса национальной неполноценности. Бытовала мысль, что для Западной Европы Петр распахнул «русские двери» настолько широко, что Россия их больше не сможет защищать. Поговаривали, что он одним махом разрушил все лучшее в русском укладе жизни и завел страну в тупик, в который ее будет постоянно подталкивать Западная Европа, опасаясь чрезмерного роста военной и экономической мощи России. В качестве примера исконно русской традиции противники Петра приводили так называемую **соборность**, т. е. проявление мнимого духовного единства масс, основанного на едином, якобы единственно правильном вероисповедании – православной вере, вернее, на безграничной вере в то, что правитель действует исключительно на благо общества. О соборности обычно говорили как о важнейшей составляющей культурных ценностей традиционной **Святой Руси**, конец которой положили петровские указы, открывшие путь культурным ценностям западноевропейской цивилизации. Однако признавалось, что для широких слоев населения традицион-

⁴ В самобытность культурных ценностей русского общества XIX века его представители верили вплоть до начала XX века (см.: Каграманов Ю. *Россия и Европа (статьи 90-х годов)*. – Москва, 1999. – С. 72-74).

ные ценности все равно постепенно утрачиваются. Хотя из-за предпринятых насильственных мер распространять эти «крамольные» идеи было затруднительно или они просто замалчивались, их суть была понятна каждому.

Однако зачастую противники обижали Петра напрасно. Соборность Петр не уничтожил. Наоборот, ни в коем случае он не хотел интеграции России с Европой или уничтожения российской национальной самобытности. Для него все сводилось к представлению об **изначальной русской исключительности**, основанной на русской государственности. Проведенные им реформы заключались лишь в том, что русское общество с его культурными устоями («Русь») он заменил Российской империей и своей ролью царя-самодержца («Россией»). Иными словами, в трактовке Петра главной русской культурной ценностью стало национальное самосознание, которое ассоциировалось с мощной Российской империей, управляемой государем-самодержцем, который сосредоточил в своих руках высшую светскую и церковную власть. Почему на конференциях, посвященным наполеоновским войнам, этот факт постоянно подчеркивается? Потому что решение Петра все подчинить задаче расширения и прославления империи стало в России основной идеей, оказавшей влияние на мышление русских правителей и в последующие столетия, особенно в начале XIX века. В этом отношении Александр I, наиболее активный участник наполеоновских войн среди русских царей, стал одним из лучших учеников Петра.

Адам Ежи Чарторыйский был одним из выдающихся европейских политиков на рубеже XVIII – XIX веков⁵. Он родился в

⁵ Личности А. Е. Чарторыйского польская историография уделяла и продолжает уделять большое внимание. Это обусловлено тем, что он относится к деятелям, которые внесли значительный вклад в формирование современной польской национальной идеи и в дело ее популяризации среди ведущих европейских наций. Хотя чешская историография нуждается в подобных примерах, систематически личность Чарторыйского чешскими историками не исследовалась. Упоминания о нем встречаются в работах немногих авторов, например, Я. Микулки и Р. Влчека, (см.: J. Mikulka, *Slovanství a polská společnost v XIX. století*, Praha 1984; R. Vlček, *Ruský panslavismus – realita a fikce*, Praha 2002).

1770 году в Монфермее, пригороде Парижа, в семье знатного польского шляхтича. После обучения в университетах Эдинбурга и Лондона жил в Польше. Незадолго до этого произошел второй раздел Польши, кроме того, это был период антирусского национально-освободительного движения, участие в котором принял и Адам Ежи. После подавления движения он эмигрировал в Великобританию, однако вернулся в Польшу во время восстания под руководством Тадеуша Костюшко (1793–1794). После его поражения Чарторыйский был взят в плен австрийцами, а затем, после того, как по указу русской царицы Екатерины II родовое имение Чарторыйских было конфисковано, вместе с братом Константином его отправили в Петербург (1795 г.).

Уже в начале девяностых годов XVIII века Чарторыйский видел, что вскоре после начала Великой французской революции европейские монархические круги осознали, какую опасность она таит для существующего консервативного устройства Европы. Он также знал, как на это отреагировала Екатерина II (1763–1796): в течение предыдущих десятилетий она восторгалась французскими идеями, особенно идеями французского Просвещения, а теперь возглавила критиков французской революции, мгновенно разорвав все отношения с Францией после казни короля Людовика XVI (1793 г.). Адам также знал, что в первой антифранцузской коалиции Екатерина не участвовала. На опыте своей предшественницы, Елизаветы Петровны, она убедилась в не слишком хороших перспективах прусско-австрийского союза, и даже при разделе Речи Посполитой ее отношения с этими странами были далеко не идеальными. Тем не менее, в 1795 г. Екатерина отменила переброску войск, возглавляемых князем В.Г. Орловым (1743–1831) в походе на Персию, только для того, чтобы сосредоточить на западных границах многочисленную армию, готовую войти в состав британско-прусско-русской армии при возникновении угрозы со стороны Франции.

Из Петербурга Чарторыйский определял степень опасности, которую для него представляет французская революция и

которую все больше осознавал преемник Екатерины Павел I (1796–1801). Для Павла было характерным рассматривать все события исключительно сквозь призму интересов России. В отличие от Екатерины, он был убежден, что открытость России перед остальной частью Европы не принесет Российской империи ничего хорошего. Однако это не помешало ему вскоре принять активное участие в военных действиях против наполеоновской Франции. Конечно же, это было сделано не для внесения русского вклада в европейские дела, а из властолюбия. То есть Наполеон оспаривал титул магистра Мальтийского креста, полученный Павлом в 1798 г. в обмен на обещание защищать Мальту от всех врагов. Поэтому к сближению с Великобританией Павла привели, прежде всего, его амбиции; после этого войска России воевали в составе армий второй антифранцузской коалиции, причем на двух фронтах. Однако союзники (особенно Австрия и Пруссия) не собирались мириться с экстравагантными великодержавными притязаниями Павла. Это привело к разрыву, в результате чего Павел покинул коалицию. Он даже начал устанавливать партнерские отношения с Наполеоном (в первые месяцы своего правления эти усилия продолжал и преемник Павла Александр I).

Непоследовательные поступки Павла вызывали у Адама Ежи смешанные чувства. С одной стороны, он приветствовал действия Павла. Впрочем, император тоже благоволил к князю. Об этом свидетельствует тот факт, что Чарторыйскому поручалось решение важных внешнеполитических задач (деятельность князя в этой области достигла своего апогея в период между августом 1799 г. и июнем 1801 г., когда он был русским послом при Сардинском дворе, важном для России со стратегической точки зрения). Взойдя на престол после смерти Екатерины II, Павел I доверил Чарторыйскому редактирование манифеста, в котором сын Павла Александр провозгла-

шался наследником русского престола⁶. С другой стороны, на поступки Павла Адам Ежи смотрел с презрением. Ему было хорошо известно о непостоянстве взглядов Павла и об опасности, которая может угрожать России, если своими непоследовательными действиями Павел восстановит против себя всю Европу⁷.

Хотя Павел выбрал Чарторыйского как выдающегося дипломата, в Петербурге для Адама Ежи гораздо более близким человеком был наследник престола великий князь Александр. И это было не только потому, что вскоре после приезда в Петербург Адам был обласкан Александром, а затем стал его адъютантом. При посредничестве Александра он сблизился с другими выдающимися деятелями Петербурга того времени, в том числе со своими будущими соратниками-единомышленниками Виктором Кочубеем (1768–1834) и Павлом Строгановым (1774–1817).

На вопрос, почему Павел I и его сын Александр Павлович остановили свой выбор именно на Чарторыйском, можно ответить с уверенностью, если учесть их прагматический подход к вопросам политики. Чарторыйский был одним из образованнейших людей своего времени, имел широкий кругозор в вопросах внешней и внутренней политики, и даже несмотря на прежнее негативное отношение к русской интервенции в Речи Посполитой, его преданность монархии, в духе которой он был воспитан, была более чем очевидной.

Александр I вззошел на престол в марте 1801 г. По сравнению с предыдущим правлением, его политика привела к довольно значительным переменам: во главе империи встал правитель,

⁶ После смерти царевича Алексея, урожденного наследника престола, Петр I издал манифест, в котором каждому правителю предписывалось назначать своего наследника. Об этом говорится в его завещании, которое, кстати, не было обнародовано. В случае престолонаследия Александра речь шла об исключении, которое определенно желал сделать Павел, так как не хотел, чтобы в случае его смерти к власти пришел неподготовленный и мало кому известный человек. Впрочем, в России Павел возобновил династический порядок престолонаследия (см.: Сорокин Ю. *Павел I. Личность и судьба*. – Омск, 1996. – С. 46–61.

⁷ См.: J. Skowronek, *Adam Jerzy Czartoryski 1770-1861*, Warszawa 1994, s. 50.

который действительно интересовался делами России, прилагал большие усилия для знакомства с ее проблемами и подготавливал пути их решения. Хотя его либерализм российская историография переоценивает, фактом остается то, что у Александра действительно была определенная склонность к либерализму. Однако предоставление полной свободы было нежелательно с точки зрения ситуации, сложившейся в России того времени, – в течение столетий русские правители обращали внимание только на расширение границ и усиление государственной мощи без учета положения внутри страны⁸.

Курс правления был определен Александром с самого начала, и в своей деятельности А. Е. Чарторыйский не допускал от него никаких отклонений. Наоборот! И совсем не из-за глубокого убеждения в том, что Россия должна стать наиболее крупной, мощной и развитой империей, а потому, что в удовлетворении великодержавных амбиций Александра он видел возможность получить по крайней мере больше автономии для горячо любимой им Польши. Такая вероятность представилась после 1803 г., когда царь назначил Чарторыйского куратором Вильненского школьного округа. Это была ответственная должность, которую князь занимал до 1822 г. При этом в его ведении был в обширный регион, в состав которого входило большинство бывших польских территорий, расположенных в Литве, Белоруссии и на Украине.

Когда Александр взойшел на престол, князь исполнял обязанности посла в Сардинии. Александру были известны способности Чарторыйского, но он также знал, что назначение на пост посла было не только определенным проявлением доверия царя Павла. Кроме этого, назначение было вызвано желанием оградить Александра, наследника престола, от чрезмерного влияния со стороны близкой к нему либерально мыслящей личности. Александр был уверен, что в Петербурге князь ему будет полезнее, поэтому вскоре вызвал его в столицу, где с мая 1801 г. Чарторыйский стал царским советником в

⁸ См.: М. Malia, *Russia under Western Eyes. From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*, Cambridge, London 1999, p. 15-83.

рамках Негласного комитета. В то время Комитет состоял только из Виктора Кочубея и Павла Строганова. Вместе с Чарторыйским и Александром в так называемом кругу «молодых друзей», который существовал во второй половине девяностых годов XVIII века, они обсуждали ряд вопросов внешней и внутренней политики России и составляли планы (не только утопические), которые предполагалось реализовать после восшествия Александра на престол.

Когда Негласный комитет начал свою деятельность, перспективные планы разрабатывали, главным образом, Кочубей и Строганов. Чарторыйский играл роль исполнительного органа: планам, разработанным Строгановым, он старался придать конкретную форму. Например, в результате этих усилий в феврале 1802 г. появился проект реформы русской государственной административной системы, предусматривающий ответственность конкретных лиц и ликвидацию многоначалия в государственных органах⁹.

Однако члены Негласного комитета вскоре увидели, что царь Александр – это не прежний царевич Александр Павлович. Он отвергал не только многие прогрессивные идеи Строганова, но и практические предложения Чарторыйского. По-видимому, Чарторыйский первым понял, что Негласному комитету следует не высказывать собственные идеи, а осуществлять задуманное Александром. Адам этому быстро научился, за что вскоре был вознагражден. Царским советником по внешнеполитическим вопросам Чарторыйский стал в начале правления Александра, когда пост министра иностранных дел занимал Виктор Кочубей (до 1802 г., то есть до возникновения министерства, он занимал пост председателя Коллегии по внешнеполитическим вопросам).

Кочубей был сторонником франко-прусско-русского союза, направленного против Великобритании. Он советовал проводить умеренную международную политику и внутриполитические реформы в России. Это была линия, которая полностью

⁹ См.: N.V. Riasanovsky, *A History of Russia*, New York – Oxford 2000, p. 303.

соответствовала взглядам круга «молодых друзей» второй половины девяностых годов XVIII столетия. Однако в это время взгляды царя Александра на внешнеполитическую деятельность изменились. Учитывая возросшее британско-французское соперничество, главным образом в 1803 г., он пришел к заключению, что от проведения пробританского, вернее, антифранцузского внешнеполитического курса Россия могла бы только выиграть. Им все больше овладевала мысль о том (более чем вероятно, под влиянием Адама Чарторыйского), что в этом случае Россия могла бы играть роль стрелки на весах европейского конфликта, превратившись, таким образом, в мощнейшую европейскую империю. Это отразилось на назначениях министров. Нерешительный Кочубей был снят, а на его место был назначен более активный и опытный С.Р. Воронцов (1744–1832), сторонник сближения с Великобританией. Следует отметить, что в поддержку Воронцова товарищем (заместителем) министра был назначен Адам Чарторыйский. Через полгода он сменил Воронцова на посту главы русского дипломатического ведомства. На этой должности он пробыл более двух лет, с января 1804 г. по июнь 1806 г., при этом в 1805 г. от имени России он подписал соглашение о создании коалиции с Великобританией.

Будучи личным советником Александра и министром иностранных дел, Чарторыйский не терял надежду на то, что под его влиянием Польша снова станет независимым государством. Он понимал, что в существующей международной обстановке абсолютно независимый польский внешнеполитический курс невозможен, поэтому считал, что Польша должна опираться на поддержку мощной Российской империи – по его мнению, во главе польского государства должен стоять великий князь. Но когда Чарторыйский обнаружил, что русский внешнеполитический курс не меняется, то есть великодержавные амбиции удовлетворяются без учета интересов союзников, он начал проявлять признаки беспокойства. Это привело к тому, что после встречи в Тильзите Чарторыйский подал

прошение об отставке. Однако до этого он сопровождал царя в нескольких антинаполеоновских военных походах¹⁰.

В 1806 г. Адам Чарторыйский оставил пост министра, но продолжил свою деятельность в министерстве иностранных дел на должности товарища министра. Только в 1810 г. он окончательно ушел из министерства и покинул Петербург, в дальнейшем целиком посвятив себя работе в Вильненском школьном округе. Но на этом сотрудничество Чарторыйского и Александра не закончилось. Когда в 1812 г. началась война с Наполеоном, Чарторыйский снова оказался рядом с царем, сопровождая его до самого Парижа. Затем на Венском конгрессе от имени Александра Чарторыйский подал предложение о введении конституции в Польше под протекторатом России. После созыва сейма он был назначен его сенатором, и ему был дарован титул герцога. Однако в 1821 г. великий князь Константин лишил Чарторыйского этого поста и чина куратора. До 1830 г. Адам Ежи жил во дворце Чарторыйских в г. Пулавы, занимаясь наукой и искусством. Это было начало его продолжительного разрыва с русским обществом. Во время восстания 1830–1831 гг. Чарторыйский вошел в состав Национального совета и был назначен главой Временного правительства. В этой должности он созвал сейм, первое заседание которого было назначено на 18 декабря 1830 г., а 30 января 1831 г. сейм предоставил Чарторыйскому полномочия решать все текущие вопросы. Когда граф Ян Круковецкий (1770–1850) стал диктатором, Чарторыйский сложил свои полномочия. После поражения польского восстания Адам Ежи эмигрировал во Францию. В Париже, в котором Чарторыйский теперь жил постоянно, он вскоре становится председателем аристократической (белой) партии польских эмигрантов. В 1838 г. его формально избрали польским королем¹¹.

Еще в молодые годы, по семейной традиции, Адам Ежи Чарторыйский обращал свой взор к России. Хотя в восьмидесятых

¹⁰ В декабре 1805 г. в роли адъютанта государя А.Е. Чарторыйский участвовал в битве при Аустерлице.

¹¹ См.: J. Skowronek, A. J. Czartoryski, s. 375-529.

годах XVIII века Чарторыйский был отчасти разочарован Россией и, как и значительная часть польской шляхты, в начале девяностых годов питал иллюзии относительно французской помощи, поражение Польского восстания под руководством Тадеуша Костюшко (1794 г.), в котором Чарторыйский принял активное участие, заставило его снова обратить свой взор к России. В ходе дискуссий с царевичем Александром он постепенно пришел к мысли, которая не была ему чуждой и ранее, о том, что помочь Польше может только Россия. Принимая во внимание его последующее резко негативное отношение к России, можно констатировать, что Чарторыйский поверил обещаниям Александра провести либерализацию политической жизни, когда поступил к нему на службу. Правда, учитывая прусский и австрийский внешнеполитический курс, на определенном этапе развития России он понимал, что в ситуации, в которой оказалась Речь Посполитая, на получение ею независимости можно рассчитывать только при условии поддержки со стороны одной из ведущих держав. В то время его выбор пал на Россию как на государство, правитель которого (Александр) был способен привнести в политику ряд свежих идей.

Как указывалось ранее, Адам Чарторыйский стал адъютантом Александра вскоре после того, как в качестве гаранта лояльности польской шляхты Российской империи он прибыл в Петербург, то есть с середины девяностых годов XVIII века. С самого начала Александр возлагал на него большие надежды. Этому не приходится удивляться, так как Адам Чарторыйский обладал глубоким знанием международных и дипломатических вопросов, а когда выполнял поручения, на него можно было полностью положиться.

Чарторыйский царя не разочаровал. Как истинный польский шляхтич, в первую очередь подталкивающий Александра к полонофильскому курсу, Чарторыйский не забывал и о главной задаче Александра: быть русским царем, управляя Российской империей так, чтобы постоянно росла ее мощь и слава. С учетом этого в 1803 г. Чарторыйский предложил Александру план тактических и стратегических задач русской

дипломатии: «О политической системе, которой должна следовать Россия» (по-польски – *O systemie politycznym, który winna stosować Rosja*; во французском оригинале – *Sur le système politique qui devrait suivre la Russie*). При разработке плана Чарторьский исходил из того, что основная задача России – стать спасителем Европы. «Россия, выступающая против политики Бонапарта, должна дать европейским государствам мир, счастье и независимость, при этом обеспечив свое первенство и приумножив славу своей империи»¹².

В этом документе Чарторьский подчеркивал мысль, которая Александру чрезвычайно импонировала, – мысль о том, что будущее Европы – это вечный мир, путь к которому может указать только Россия. Конечную цель Чарторьский видел в образовании четырех федераций: славянской (во главе с русским царем), немецкой, включающей в себя также Голландию и Швейцарию, но без Пруссии и Австрии, французской (во главе с Наполеоном) и итальянской. Чарторьский утверждал, что Россия достаточно велика, а поэтому ее дальнейшее территориальное расширение нецелесообразно. Это утверждение он также приводил в качестве объяснения, почему по сравнению с остальными европейскими государствами Россия имеет больше свободы в дипломатических вопросах и при принятии решений. При этом он подчеркивал, что в прошлом Россия несколько раз доказала, что способна решать кардинальные европейские проблемы и идти правильным курсом.

Несомненно, Чарторьский находился под влиянием идей Просвещения, его также привлекали идеи романтизма, с философской точки зрения во многих аспектах своей деятельности он опирался на учение Иммануила Канта (1724–1804)¹³. То же относится к Кочубею и Строганову, которых романтическое восприятие идей Просвещения привело к идее возрождения России. Эту идею разделял и Чарторьский. Однако в начале XIX века он сочетал ее с решением задач России во внешнеполитической

¹² Цитируется в соответствии с: J. Skowronek, *A. J. Czartoryski*, s. 79.

¹³ См.: А. Walicki, *Idea narodu w polskiej myśli oświeceniowej*, Warszawa 2000, s. 55-56.

области. При этом он заявлял, что одним из условий выполнения Россией вышеуказанной миссии является принятие конституции, но не какой-нибудь, а такой, которая стала бы образцом как для соседних стран, так и для всего будущего европейского сообщества. При этом Чарторыйский выражал желание оказывать всестороннее содействие при подготовке такой конституции. Кроме того, он отлично знал положения наиболее прогрессивных конституций того времени: шведской и британской. В то же время Чарторыйский указывал на то, что до принятия такой конституции России необходимо вести более осторожную внешнюю политику. Скорее ей бы следовало играть, причем очень энергично, роль третейского судьи при решении спорных вопросов.

Безусловно, целью упомянутых представлений Чарторыйского не было ограничение активной внешнеполитической деятельности Александра. Наоборот, Чарторыйский был убежден, что когда мощь Российской империи возрастет, Польше будет легче получить независимость (или для начала хотя бы автономию). Чтобы еще больше привлечь на свою сторону Александра, Чарторыйский заявлял, что правлением русского царя Александра I началась новая историческая эпоха европейских отношений¹⁴.

Сравнивая царскую переписку с ведущими европейскими дипломатами и материалы, подготовленные Чарторыйским, можно констатировать, что в проявлении раболепия, очевидного в вышеприведенной фразе, не было необходимости. Идею стать спасителем Европы сам Александр вынашивал, по крайней мере, с момента восшествия на престол. Возможно также, что эту идею в нем пробудила еще его бабушка Екатерина II, уверявшая его в том, что он, в отличие от Павла I, обладает несомненными способностями изменить ход внутриполитических и внешнеполитических процессов и поэтому

¹⁴ См.: P.K. Grimsted, *The Foreign Ministers of Alexander I: Political Attitudes and the Conduct of Russian Diplomacy*, Berkeley 1969, p. 124.

имеет полное право как можно скорее занять императорский трон¹⁵.

Впрочем, оставим в стороне раболепие Чарторыйского – для дальнейшего обсуждения внешнеполитической деятельности Александра и его стремления реализовать идею русской «мирной миссии» это не имеет значения, так как когда Александр решал, проводить ли активную внешнюю политику, опять же по совету Чарторыйского в ситуацию вмешался Уильям Питт-младший (1759–1806), британский премьер-министр в период 1804–1806 гг. Питт так поступил, потому что в мае 1803 г., после годовичного перерыва, между Францией и Великобританией возобновилась конфронтация. Веря в свои идеи, Александр был готов играть роль третейского судьи. Поэтому летом 1803 г. он обратился к Наполеону с предложением начать переговоры о немецких и итальянских землях, которые тот оккупировал. Осознавая собственную мощь, участвовать в переговорах Наполеон категорически отказался. Это сильно поколебало представления Александра о своей роли посредника. Еще в марте 1803 г., после убийства герцога Энгиенского, русско-французские отношения заметно ухудшились, а теперь они были на грани разрыва. Когда в мае 1804 г. Наполеон объявил себя императором, Александр отказался признать этот титул. В сентябре 1804 г. дипломатические отношения были разорваны. Чарторыйский начал активно вести переговоры о сотрудничестве с Веной и Берлином.

Чарторыйский с удовлетворением наблюдал за разрывом дипломатических отношений между Францией и Великобританией 12 марта 1803 г. В гораздо меньшей мере его устраивало, что война между этими государствами представляла собой странный поединок: для победы на море не было флота у Франции, а для победы на суше не было армии у Великобритании. Таким образом, предпосылок к победе не было ни у одной стороны. В результате создалась ситуация, которая

¹⁵ См.: Скоробогатов А. *Цесаревич Павел Петрович. Политический дискурс и социальная практика.* – Москва, 2005. – С. 153.

была по душе как Чарторыйскому, так и Александру I: война между Британией и Францией свелась к битве за союзника на континенте. По крайней мере, на начальном этапе ее именно так могли расценивать в дипломатических кругах.

Уильям Питт искал сильного партнера, одновременно стараясь помешать заключению франко-российского союза. После предварительных переговоров с Чарторыйским Питт сделал Александру гораздо более заманчивое предложение, чем Наполеон: признание Александра будущим «царем всех христиан». Иными словами, за помощь, которую Россия окажет «Европе» (а не только Великобритании!) в войне с Наполеоном, Питт предложил Александру наивысшие посты на европейской политической арене.

На предложение Питта Александр ответил не сразу. В подобных случаях спешить было не принято. Тем не менее, он поручил Чарторыйскому подробно проанализировать ситуацию. Сближение с Великобританией Чарторыйский настоятельно рекомендовал. После этого с ответом Питту Александр не медлил. На основании документов, подготовленных опять же Адамом Чарторыйским, Александр предложил Питту идею преобразования европейских государств в «либеральные и конституционные государства», построенные на принципах признания «святейших прав человечества». Гарантом нового мирового порядка должны были стать Россия и Великобритания. При этом не указывалась их приоритетность, которую Уильям Питт, разумеется, предпочел бы изменить в свою пользу. Однако шел 1804 год, и ситуация Великобритании все ухудшалась. Поэтому Питт согласился с этим предложением, которое не слишком отличалось от последующего предложения Александра о создании Священного союза, по поводу которого в 1815 г. Великобритания высказала целый ряд оговорок. Однако к тому времени в Великобритании был уже другой премьер-министр, и международная обстановка была абсолютно иной.

После рассмотрения докладной записки, подготовленной Чарторыйским, в своем предложении, высказанном в

противовес предполагаемому наполеоновскому проекту, Александр констатировал, что моделью политического устройства отдельных европейских государств должна быть умеренно реформированная русская политическая система («умеренные реформы» подразумевали принятие конституции с некоторыми элементами либерализма, но во главе государств по-прежнему должен стоять монарх с не слишком ограниченными полномочиями), то есть речь шла о псевдоконституционной монархии, построенной на принципах традиционной европейской монархической системы, признающей свободу (понятие «свобода» Александр никогда не конкретизировал, тем не менее, по аналогии можно прийти к выводу, что о свободе личности у Александра было довольно смутное представление и что, например, о необходимости отмены крепостного права в Российской империи он рассуждал в подобном же духе). При этом отношения между отдельными государствами должны были основываться на «святейших критериях добра», то есть, прежде всего, на вере в Бога и на моральном кодексе, в основу которого положены Божьи заповеди. Хотя Александр и не знал, как именно это необходимо делать, он все равно хотел принять кодекс прав человека и сборник международных законов, которые бы обеспечили мирные отношения. Международную безопасность должны были гарантировать Россия и Великобритания или их нерушимый на вечные времена союз, который бы противостоял международным конфликтам и «чрезмерному» соперничеству для решения вопросов мирным путем¹⁶.

Представление Александра о новом европейском порядке основывалось на идее сосуществования независимых национальных государств, чтобы дать возможность небольшим национальным государствам (на Балканах, на Апеннинском полуострове или на немецкой территории) создать федерацию, гарантом которой выступали бы те же Россия и Великобритания. Александр был глубоко убежден, что крупные

¹⁶ См.: М. Kukiel, *Czartoryski and European Unity 1770-1861*, Westport 1981, p. 47.

государства осознают потребности малых народов и готовы их удовлетворить или, по крайней мере, относятся к ним с пониманием¹⁷.

Более конкретно в проекте Александра ничего не говорилось. Тем не менее, он постоянно уверял Питта, что его интересует исключительно сохранение мира в Европе, и ее может спасти только реализация этого проекта. В своем выступлении в Негласном комитете в 1804 г. в Петербурге он несколько раз подчеркнул, что готов пожертвовать собой ради блага Европы и отдать все силы для разработки законов, которые станут образцом для всей Европы. В то же время публично, в том числе перед британским послом, Александр говорил о плане региональных федераций, которые будут образованы на немецкой и итальянской территории (о Швейцарии, родине своего воспитателя Фредерика Сезара де Лагарпа, Александр отзывался как о нейтральном государстве)¹⁸.

С идеями, развиваемыми русским царем Александром под влиянием Адама Чарторыйского в начале XIX века, тесно связан так называемый восточный вопрос, то есть вопрос о роли Османской империи. У России и Османской империи оставались давние неразрешенные проблемы. Хотя по условиям Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. и Ясского мира 1792 г. Россия получила возможность вмешиваться в некоторые внутренние дела Турции, для России вопрос о Балканах, Черном море, Босфоре и Дарданеллах оставался открытым.

Адам Чарторыйский был убежден, что для положительного решения польского вопроса необходимо предложить Александру Балканы, вернее, малые славянские народы, находящиеся под османским игом. Если Александр возьмет их под свою защиту, то это создаст прецедент и для польского народа¹⁹. На рубеже XVIII – XIX веков в наибольшей степени национальное самосознание проявляли сербы и греки. Поэтому Чарторый-

¹⁷ См.: Шильдер Н. *Император Александр I: его жизнь и царствование.* – Санкт-Петербург, 1897. – Т. II. – С. 58.

¹⁸ См.: Хартли Дж. М. *Александр I.* – Ростов-на-Дону, 1998. – С. 10 – 11.

¹⁹ См.: Чарторыйский А. *Мемуары.* – Москва, 1998. – С. 260 – 261.

ский начал убеждать Александра в необходимости их защиты. И ему это удалось – в декабре 1803 г. русский посол в Турции Андрей Италинский (1743–1827) потребовал, чтобы Порта предоставила грекам широкую автономию. Правда, идеи Чарторыйского не были реализованы полностью: Александр отказал грекам в материальной помощи, мотивируя тем, что это могло бы привести к быстрому упадку Османской империи и, следовательно, к нарушению равновесия сил в этой части мира; аналогичным образом он поступил через год, когда о помощи его попросили восставшие сербы. Тем не менее, Чарторыйскому удалось внушить Александру, что зарождающееся панславянское движение на Балканах выгодно России, а в будущем его можно будет использовать. Однако, как и в остальных случаях, проявилась прагматичность подхода Александра: он считал Турцию непримиримым (!) противником, способным парализовать реализацию великодержавных амбиций других государств. Следует заметить, что поскольку позднее Александр обсуждал с британцами и французами вопрос о разделе Османской империи, то можно заключить, что он не ставил своей целью ее падение. Речь шла о своеобразном протекторате, благодаря которому удалось бы распространить русское влияние на стратегические области Турции, особенно на Балканы и Закавказье²⁰.

В 1804 г. России не была нужна война с Францией, так же как и самой Франции. Но действительные или мнимые династические интересы Александра I, его самолюбие или тщеславие (показать Наполеону, кто способен решать европейские проблемы), которые скрывались за словами о «защите международного права», а также тайные планы Чарторыйского, облегчили принятие решения, предложенного Уильямом Питтом. По итогам русско-британских переговоров в 1804 г. Россия и Австрия пришли к соглашению о формировании армии против Наполеона, вернее, для пресечения его военной деятельности в Италии.

²⁰ См.: Дегоев В. *Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг.* – Москва, 2004. – С. 134.

В январе 1805 г. членом третьей антифранцузской коалиции стала Швеция. А в мае 1805 г. Наполеон преобразовал Цизальпинскую республику в Итальянское королевство. В результате 28 июля Россия и Великобритания подписали соглашение, к которому в августе присоединились Австрия, Пруссия и некоторые другие немецкие государства. И хотя в октябре 1805 г. британские войска одержали победу в Трафальгарском сражении, для антифранцузской коалиции сражения с Наполеоном на европейском континенте закончились полным поражением. После битвы при Аустерлице мирный договор с Наполеоном подписала только Австрия (Пресбургский мир); Россия и Пруссия ограничились перемирием²¹.

Под влиянием Чарторыйского в апреле 1805 г. был разработан проект Посреднического, или Великого, альянса, первые наброски которого появились уже в документе «О политической системе». Отправной точкой проекта была констатация факта, что Наполеон стремится к мировому господству и созданию единой империи. Поскольку мирные переговоры не привели к положительному результату, то следует изменить стратегию. Русский царь должен возглавить конфедерацию в континентальной части Европы, целью которой было бы посредничество между воюющими сторонами и установление между государствами политических отношений, которые бы гарантировали всеобщий мир. По отношению к этому альянсу ни одно государство не должно было оставаться нейтральным. Членство в альянсе предоставляется на основании двусторонних соглашений, подписание которых иницируется Россией. Политические, военные и экономические вопросы будут решаться на конгрессе, на котором также определяются условия и закладываются основы новой политической системы для обеспечения прочного мира между народами. Что касается границ, то был предложен возврат к границам 1801–1802 гг., возможно, при условии, что Наполеон выведет войска из оккупированной Италии, но будет признан его

²¹ См.: D. Uhlř, *Slunce nad Slavkovem*, Praha 1984, s. 414-417.

императорский титул и режим, установленный во Франции. Однако же, если Франция не выполнит требование государств-членов альянса прекратить боевые действия, то к ее южным, восточным и северным границам будут выдвинуты армии альянса. Если Наполеон будет продолжать упорствовать и решит начать боевые действия, то в соответствии с документом предусматривалась короткая наступательная война с целью свержения Наполеона и реставрации монархии Бурбонов. Во время боевых действий государствам альянса запрещалось проводить собственную политику – они должны были выполнять решения руководства альянса. Решения об изменении государственных границ также принимаются альянсом. Хотя изначально Великий альянс задумывался как гарант Европы против нашествия Наполеона, в конце документа говорилось о необходимости обеспечения мира и в других нестабильных регионах, в частности, на Балканах²².

Весной 1806 г. при британской финансовой и дипломатической поддержке возникла очередная (четвертая) антифранцузская коалиция. Помимо России и Великобритании, участником коалиции стала Пруссия, которая нашла союзников в Саксонии и Швеции. Однако прусско-саксонская армия была разбита еще раньше, чем смогла соединиться с русской армией. Это произошло 14 октября в Йена-Ауэрштедтском сражении. Но решающее поражение антифранцузская коалиция потерпела 7–8 февраля 1807 г. в битве при Прейсиш-Эйлау в Восточной Пруссии. Незадолго до этого прусская армия соединилась с русскими войсками, благодаря чему сражение не закончилось полной победой Наполеона. Поэтому Пруссия снова отвергла предложение Наполеона о сепаратном мире. Подписав 26 апреля 1807 г. Бартенштейнскую конвенцию, Пруссия еще сильнее сблизилась с Россией. Условиями конвенции предусматривалось восстановление Пруссии в границах 1805 г., уничтожение Рейнского союза, присоединение Великобритании к Бартенштейнской конвенции и возвращение Австрии Тироля и Венеции. Однако

²² См.: A.J. Czartoryski, *Pamiętniki i memoriały polityczne 1776-1809*, Warszawa 1986, s. 600-657.

положение России начало осложняться. По требованию Наполеона в конце 1806 г. России объявила войну Турция, которая преследовала собственные интересы и рассчитывала получить поддержку Франции в соответствии с заключенными соглашениями. России пришлось воевать на два фронта, и поэтому в Европу она могла перебросить лишь часть своих войск. В результате 14 июня 1807 г. русская армия потерпела жестокое поражение у Фридланда в Восточной Пруссии. В это время Чарторыйский уже не занимал пост министра иностранных дел. Вести переговоры о перемирии Александр поручил князю Алексею Лобанову-Ростовскому, дав указание вести мирные переговоры, если от Наполеона поступит такое предложение. Так оно и случилось, правда, Наполеон предложил вести переговоры на уровне глав государств, то есть между ним и Александром I. Очевидно, речь шла об установлении дружеских отношений, что, учитывая положение России, для Александра было как нельзя кстати. Кроме того, это давало возможность Александру снова приступить к реализации своей первоначальной идеи: играть роль стрелки на весах европейского конфликта и стать признанным и уважаемым правителем, под властью которого находится значительная часть мира.

Незадолго до переговоров о Тильзитском мире, через Лобанова-Ростовского, Александр I отзывался об императоре (!) Наполеоне в превосходной степени и выражал уверенность, что с ним удастся договориться о мире, который спустя нескольких дней станет основой для заключения мира во всей Европе. Александр даже заверял Наполеона, что их взгляды настолько совпадают, что в посредниках они не нуждаются²³.

25 июня 1807 г. в прусском городке Тильзит, вернее, на реке Неман, по которой проходила граница между Восточной Пруссией и Россией, состоялась первая встреча Наполеона и Александра в рамках проведения мирных переговоров. Всем своим видом Наполеон и Александр демонстрировали

²³ См.: Татищев С. *Alexandre Ier. et Napoleon d'après leur correspondance Inédite 1801-1812*, Paris 1891, С. 148-149.

прекращение войны между Францией и Россией и последующую «вечную дружбу». Тильзитский мирный договор был подписан 7–9 июля 1807 г. Фактически этим Россия и Франция произвели раздел Европы. В положениях договора Александр впервые признал Наполеона императором Франции, а также территориальные и политические изменения, которых добился Наполеон в результате предыдущих сражений. Западная Европа была признана сферой влияния Франции, а Восточная – сферой влияния России. Кроме того, Франция получила Ионические острова и взяла на себя роль посредника на переговорах между Россией и Турцией. В союзническом соглашении, которое де-юре оставалось в силе до 1812 г., Россия обязалась воевать на море и на суше против любого европейского государства, начавшего войну с Францией. Кроме того, Александр взял на себя роль посредника на переговорах между Великобританией и Францией. Если бы до 1 ноября 1807 года Великобритания отвергла предложение о русском посредничестве, то в течение месяца, до 1 декабря 1807 г., Россия должна была бы присоединиться к континентальной блокаде. В обмен за это Франция должна была играть роль посредника на мирных переговорах между Россией и Османской империей, и если бы Турция положительно не отреагировала на это предложение, то Франция должна была бы оказать России военную помощь и содействовать России в достижении ее целей на территории Османской империи. Однако на практике Наполеон собирался помогать России в обмен за пересмотр ее позиции по отношению к Великобритании. Безусловно, внутри России эти шаги Александра не вызвали одобрения. Скорее, наоборот. После заключения Тильзитского мира России пришлось проститься с надеждами вмешиваться в дела Центральной Европы и увеличить товарооборот с Великобританией²⁴.

По Тильзитскому мирному договору Россия признала Варшавское герцогство и новые государственные образования в

²⁴ См.: T. Chapman, *Imperial Russia 1801-1905*, London, New York 2001, p. 29-33.

Западной Европе, в том числе на территории половины Пруссии, оккупированной Наполеоном. Кроме того, Александр обязался соблюдать правила континентальной блокады и, если Великобритания будет продолжать военные действия против Франции, подписать секретный протокол о союзе с Францией против Великобритании. С этим Чарторыйский смириться не мог. В основе его видения будущего Европы лежало нечто более весомое, чем обещания Наполеона играть роль посредника на переговорах с Турцией. Единственное, что ему нравилось, – это то, что Наполеон согласился, чтобы в ущерб Турции Александр отстаивал интересы балканских христиан, а также из-за аннексии части Восточной Пруссии передвинуть границы России на запад и отторгнуть Финляндию от Швеции. Но не более того.

В России Тильзитский мир был воспринят с недоумением. Однако Александра утешало то, что Россия не потеряла репутацию великой державы, что он разделил с Наполеоном сферы влияния в Европе, что они оба относятся к наиболее влиятельным деятелям мира. Пусть даже ценой расставания с человеком, который долго и терпеливо развивал идею Александра о доминирующей роли России в Европе²⁵. Несмотря на это, и в дальнейшем Александр продолжал находиться под влиянием идеи о том, что Россия станет мощнейшей мировой империей и, в соответствии с ранее высказанными идеями Адама Чарторыйского, будет играть роль третейского судьи, принимающего решения о мире во всем мире.

Однако за многими идеями «европейского единства» или «европейского сообщества», выдвинутыми Александром, скрывались великодержавные амбиции Российской империи. Например, получение от Наполеона обещания признавать право Александра оказывать помощь национально-освободи-

²⁵ Континентальная блокада отрицательно сказалась на торговле России. Объем российского экспорта, который в 1802–1806 гг. составлял около 55 млн. серебряных рублей, упал до уровня 34 млн. в то время, как объем российского импорта уменьшился соответственно с 41 до 20 млн. серебряных рублей. Значительно выросли цены на сахар и кофе (См.: Хартли Дж. М. *Александр I*. – Ростов-на-Дону, 1998. – С. 148 – 149; Злотников Ф. *Континентальная блокада и Россия*. – Москва–Ленинград, 1966. – С. 239).

тельному движению балканских христиан для распространения своего влияния на Турцию. Поражение России и Австрии при Аустерлице привлекло Османскую империю на французскую сторону. Наполеон был готов оказать поддержку турецкому владычеству на Балканах и на Кавказе. Турецкая самоуверенность, усиленная французской помощью, вела к русско-турецкому конфликту, который развязался в 1807 г. еще до переговоров о Тильзитском мире. Для России это был крайне неблагоприятный период. Соперничество с Наполеоном не закончилось, кроме того, начиналась война с Персией. Поэтому Россия, прежде всего, стремилась к восстановлению предвоенного положения. После заключения Тильзитского мира Россия выдвинула Турции следующие требования: установление границы по Дунаю, предоставление независимости Сербии, признание присоединения к России территорий в Закавказье. Все эти требования Турция отклонила. Она все еще рассчитывала на своего прежнего союзника. В этом отношении взгляды Чарторыйского заметно отличались от взглядов Александра, а со временем эта разница во взглядах становилась все очевиднее. На самом деле Чарторыйский стремился к всеобщему равновесию сил, а не к удовлетворению отдельных великодержавных амбиций, которые теперь открыто демонстрировал Александр.

Углубление разницы между взглядами Александра I и видением европейского единства А. Е. Чарторыйского можно проиллюстрировать на примере различной трактовки понятий «славянство» и «панславизм». Это связано не только с тем, что в основе взглядов Чарторыйского лежала идея польского превосходства²⁶.

Его взгляды на славянство основывались на полонофильских настроениях Александра. Но Чарторыйский, в отличие от царя, обладал глубоким знанием ситуации на Балканах. Кроме того, будучи министром иностранных дел, он несколько раз участвовал в переговорах, посвященных русско-балканским отноше-

²⁶ См.: D. Beauvois, *U źródeł panslawizmu; polskie oświecenie i słowiańszczyzna (1795-1820)* // „Revue des Études Slaves”, 51, Paris 1978, 1-2, s. 35-37.

ниям. Тем не менее, иллюзия славянского единства у него брала верх над здравым смыслом. То есть Чарторыйский считал, что можно создать федерацию славянских народов во главе с Россией, способную противостоять всем посяблениям со стороны европейских и других государств. Он говорил о федерации всех славян как о великой и благородной цели России времен Александра I, подчеркивая при этом, что русские не должны допустить повторения трагической судьбы чехов, среди которых по прошествии нескольких столетий появилась значительная часть неславянского населения. Не вызывают удивления его неоднократные призывы к Александру I в интересах панславянского единства начать войну с Турцией, Австрией и Пруссией и недвусмысленно дать понять южным и западным славянам, что Россия поддерживает их национально-освободительные движения²⁷.

В отличие от идей «европейского единства», о которых после своего ухода с дипломатической арены Чарторыйский больше не упоминал, идеи панславизма он развивал и в последующие годы. Это сопровождалось конкретными действиями: в 1807 г. он посетил митрополита Сербской православной церкви Стефана Стратимировича (1757–1836) и по договоренности с ним вместе со своим личным секретарем Василием Каразиным (1773–1842) разработал проект, в соответствии с которым на начальном этапе войны с Турцией Россия должна была оккупировать Молдавию и Валахию. Затем их территория должна была использоваться в качестве плацдарма для наступления на Сербию, где продолжалось восстание, вспыхнувшее еще в 1804 г. В предыдущем плане Чарторыйский обещал оказать Сербии поддержку, которая бы привела к возникновению балканского королевства всех славян под русским и австрийским протекторатом²⁸.

²⁷ См.: J. Skowronek, *A. J. Czartoryski*, s. 121-123.

²⁸ В отличие от идей европейского единства, панславянских взглядов А. Е. Чарторыйский придерживался и в тридцатые годы XIX века. В частности, после 1838 г., когда польские эмигранты формально избрали его польским королем, он пытался убедить европейскую общественность в том, что польский и балканский вопросы требуют безотлагательного решения. Однако, подобно чешским и словацким деятелям, он отвергал панславизм в панрусской трактовке (См.: R. Vlček, *Ruský panslavismus*, s. 83).

Выводы

По иронии судьбы, именно в России, стране, которую часто не считают европейской, возникали идеи европейского единства и «мирного устройства». Пожалуй, наиболее широко известны взгляды последнего русского царя Николая II, организатора мирных Гаагских конференций (1899 и 1907 гг.), на которых должен был рассматриваться вопрос о том, как предотвратить войны и сохранить мир²⁹. Кроме того, относительно известны содержание переговоров на Венском мирном конгрессе (1814–1815 гг.) и последующий проект так называемого Священного союза, с помощью которого русский царь Александр I пытался реализовать свою идею единой Европы, руководствуясь Божьими заповедями как наивысшей моральной ценностью для предотвращения международных конфликтов. Менее известно, что еще до этого в России были деятели, которые выдвигали идеи не только сближения России и остальной части Европы, но и образования сообщества, которое бы обеспечило сохранение мира.

Одним из таких деятелей был представитель цвета польской аристократии Адам Ежи Чарторыйский. Его идеи формировались под воздействием особых обстоятельств, благодаря чему даже в ситуации, в которой оказался польский народ, этот представитель знатного польского дворянского рода мог продолжать выполнять задачу, решением которой его род занимался в течение десятилетий: использовать свои связи с ведущими представителями Российской империи в интересах Польши. Для предков князя это было средство для укрепления польского государства, но для него это был инструмент для восстановления независимости Польши. Интересно отметить, что все Чарторыйские связывали эти идеи с относительно глубокими реформами, в первую очередь на польской территории. В XVIII столетии практически все представители рода Чарторыйских осознавали, что польская политическая система далека от идеала. Одним из основных путей ее совершенст-

²⁹ См.: A. Skřivan, *Evropská politika 1648-1914*, Praha 1999, s. 247-248.

ования они считали принятие конституции, аналогичной конституциям Великобритании и Швеции. В этом отношении Адам не был исключением, когда во время обучения в университете окупился с головой в их изучение в поисках возможных аналогий для Польши. При этом Адам обладал преимуществом – широким кругозором в вопросах международной политики. По семейной традиции он внимательно наблюдал за развитием политической ситуации, анализируя ее причины.

А.Е. Чарторыйский был одним из образованнейших людей своего времени, хорошо знакомых с внутривосточной и внешнеполитической ситуацией как в Восточной, так и в Западной Европе³⁰. Хотя в Петербург он прибыл в качестве гаранта лояльности польской аристократии Российской империи, вскоре он доказал, что обладает более выдающимися способностями, чем подавляющее большинство русских политиков. Это понял еще император Павел I, а затем и его сын, наследник престола Александр Павлович.

Адам Ежи Чарторыйский был хорошо знаком с идеями Просвещения того времени, серьезно изучал философское учение немецкого философа Иммануила Канта, также его привлекали идеи зарождающегося романтизма. Однако он был большим мечтателем. Он верил, что в Европе конфликты можно предотвратить с помощью сообщества, в котором будут установлены правила, исключающие непомерные великодержавные амбиции³¹.

³⁰ Несомненно, А.Е. Чарторыйский был одним из деятелей, оказавших большое влияние на современную историю Центральной Европы. В частности, в последние годы на это указывают авторы, занимающиеся исследованиями истории Центральной Европы. При этом личность Чарторыйского они тоже не оставляют без внимания (Сё.: P.S. Wandycz, *Střední Evropa v dějinách. Od středověku do současnosti*, Praha 1998; J. Křen, *Dvě století střední Evropy*, Praha 2005).

³¹ Проект образования новой европейской структуры, аналогичный проекту, который в 1804–1805 гг. предложили русский император Александр I и А.Е. Чарторыйский, также представили французы. Граф д'Отерив (*Alexandre-Maurice Blanc de Lanautte, Comte d'Hauterive*) разработал несколько вариантов европейской федерации под абсолютистским правлением Франции.

Действия Чарторыйского были целенаправленными. На первом месте у него стояла Речь Посполитая и восстановление ее независимости. За идеями европейского единства Чарторыйского скрывались представления о том, что в едином союзе европейских государств независимая Польша снова займет ведущее положение. Определенная доля прагматизма во взглядах на русскую политику привела Чарторыйского к выводу, что при сложившихся обстоятельствах независимая Польша может существовать только при поддержке одного из сильных государств. Парадоксально, но он верил в Российскую империю. Вернее, не в саму империю, а в конкретного человека: царя Александра I. При этом следует заметить, что таких взглядов Адам Чарторыйский придерживался только во второй половине девяностых годов XVIII века и в первой половине первого десятилетия XIX века, когда для этого царя, идеального с точки зрения Чарторыйского, он подготовил проект образования европейской федерации, которой бы в духе либерализма и компромисса (и, наверное, мира) по промыслу Божьему правил Александр. И только переговоры о Тильзитском мире спустили Адама Чарторыйского с небес на землю. Они убедили его в целенаправленности русского внешнеполитического курса, который не хотел менять даже Александр. С момента соглашения с Наполеоном о разделе Европы в идеях Чарторыйского Александр больше не нуждался. И хотя по отдельным вопросам он сотрудничал с Александром и в дальнейшем, свои представления о европейском единстве Александру больше не излагал³².

³² В 1823 г. А.Е. Чарторыйский закончил «Очерк о дипломатии» (опубликован лишь в 1830 г. под псевдонимом), в котором сравнивал национальное самосознание, основанное на народных традициях, с национальным самосознанием, сформированным под влиянием государства, вернее, его правителей. При этом он подчеркивал значение национального самосознания поляков и задачу новой Польши играть роль моста между Россией и Западной Европой (См.: А. Nowak, *Europa narodów*, s. 191-198).